

Суть работы над Словарём состоит не в том, чтобы попытаться вернуть современников к прошлому языковому сознанию. Не о замене иностранного слова «калоши» на русское «мокроступы», как предлагали задолго до него ревнители чистоты русского языка, идёт у него речь. И не о замене широкоупотребительной лексики забытыми или почти забытыми словами, собранными им: «зрятина» вместо «напраслины», «смехословие» вместо «иронизирования», «тщесловие» вместо «суесловия», «женобесие» вместо «женолюбия», «школить» вместо «воспитывать» или, может быть, «ругать», «звёздхват» вместо «хватаящий звёзды с неба», «авосьничать» вместо «делать что-нибудь на авось» и т.д. Собранные слова предлагаются им лишь в качестве возможных синонимов к распространённым, т. к. они содержат дополнительные смысловые или экспрессивные оттенки. «...С лингвоэстетической точки зрения его словарь и писательский труд движимы стремлением вернуть в речевой обиход соотечественников, в русскую литературу - из запасников языка «ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение слова», которые могут найти применение, обогатить современную речь, выразить содержание, может быть, в должной мере невыразимое известными языковыми средствами.

Показательно, что сам Солженицын смог, как он считает, «вполне уместно» использовать в собственных произведениях лишь пятьсот лексических единиц из своего Словаря» (6, С. 22).

«Русский словарь языкового расширения» был составлен писателем в Вермонте при поддержке и помощи его младшего сына. Основой для этой работы служил словарь В. И. Даля. «С 1947 года, пишет Александр Исаевич, он ежедневно занимался словарем Даля как гимнастикой. Читал все четыре тома «внимчиво» (3).